

В. Б. Виноградов

ВАЙНАХО-АЛАНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Вопросы этнической истории Ингушетии, в том числе и вайнахо-аланские контакты, уже около 100 лет интересуют ученых¹. Накопленный опыт показывает, что наиболее эффективна этнографическая методика исследования данной проблемы. В отличие от сугубо археологических работ, безоговорочно декларирующих автохтонность населения², комплексный подход к разнообразным источникам, отражающим очень сложный этногенетический путь ингушей как органической части всего вайнахского (чечено-ингушского) этноса дает возможность обрисовать истинную историческую ситуацию в горной Ингушетии³. Одной из существенных сторон этногенеза ингушей являются и взаимные вайнахо-аланские связи, активно функционировавшие без малого 1500 лет (I—XIII вв.) и далеко еще не осмысленные на современном уровне науки. В предлагаемой статье автор стремится обобщить и исследовать все доступные материалы, проливающие свет на роль ираноязычных алан в этнической истории горной Ингушетии (Джераховское ущелье и верховья р. Ассы).

Первые упоминания алан в античных письменных источниках датируются серединой I в. И уже в 72 г. аланы совершили грандиозный набег на Закавказье; они двигались по пути, где ныне проложена Военно-Грузинская дорога. Закавказские историки (М. Хоренаци, Л. Мровели) отметили, что наряду с самими аланами (овсами) в походе активно участвовали горцы Кавказа, в том числе и «дурдзуки», т. е. вайнахи горных районов, граничащих с Грузией в верховьях рек Ассы и Аргуна. Во II в. аланы, по свидетельствам древних авторов, окончательно закрепляются в плоскостных районах бассейна Терека, создают здесь сильный союз племен и устанавливают контроль над Дарьяльским проходом. Вплоть до конца IV в. они отсюда энергично вмешиваются в закавказские дела и, как правило, в перечне их союзников упо-

¹ В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии.— «Материалы по археологии Кавказа». М., 1888; В. И. Долбежев. Могильник Челишкв.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тбилиси, 1892, в. 13, с. 138, 139.

² М. Б. Мужухоев. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.

³ См., например: Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963; А. И. Робакидзе. Жилища и поселения горных ингушей.— «Кавказский этнографический сборник», II. Тбилиси, 1968, с. 41 сл.; Е. И. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М., 1971; В. П. Кобычев. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры.— «Этническая история и фольклор», М., 1977, с. 165—184; Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

минаются или подразумеваются горцы-вайнахи⁴. Учитывая излюбленный маршрут преодоления аланами Кавказского хребта — вверх по Тереку и через Крестовый перевал — логично считать, что постоянным партнером их было прежде всего вайнахское население прилегающих районов, т. е. ущелья р. Армхи (Джераховского) и далее к востоку — горной Ассинской котловины (Галгачие).

В эпоху средневековья (V — середина XIII в.) эта тенденция углубляется. Разнохарактерные письменные источники убеждают в безусловной господствующей роли алан (овсов) в северной округе горного прохода, которому они дали свое имя (Дарьял — Дар-иль-Алан — «Ворота алан») ⁵. Здесь аланы и вайнахи, обитавшие к востоку от Дарьяла и известные под именами «дурдзуков» и «глигвов» ⁶, входили в тесное соприкосновение с Грузией, распространившей в IX — начале XIII в. свою политическую власть и культурное влияние на горную Ингушетию, что отражено в многочисленных письменных свидетельствах (арабских, но главным образом грузинских), эпиграфических и рукописных памятниках, связанных с архитектурно-археологическими объектами в первоначальном районе обитания галгаев — Галгачие⁷. Активная политика Грузии привела в начале XI в. к резкому обострению ранее традиционно дружественных и часто союзнических отношений с аланами, их раннефеодальным государством. Когда царь Кахетии Квирикэ III (1010—1029 гг.) назначил своих правителей к соседним горским народам высокогорного Кавказа, против него двинулся «царь овсов Урдур». Он через Дурдзукию и «страну глигвов» (а это именно горная Ассинская котловина) перевалил через Кавказ и опустошил Кахетию. Но вскоре Урдур потерпел поражение и был убит. Грузия вернулась к планомерному освоению «Дурдзукети», включив ее в одно из своих эриставств. И хотя впоследствии (при Баграте IV, Давиде II Возобновителе, Тамар) отношения грузин с аланами нормализуются, горные вайнахи теперь становятся уже постоянными партнерами Грузии, а не алан, что свидетельствует о создании новой ситуации в округе Дарьяла, когда горная Ингушетия перестает быть зависимой от Аланского государства.

Такова канва исторических событий и тенденций, улавливаемая в скупом контексте письменных свидетельств. Как соотносится она с данными других источников и чем они дополняют ее?

Сведения о могильниках и поселениях I тысячелетия н. э. в горной Ингушетии довольно бедны и недостаточно исследованы, но на их основании все же можно сделать некоторые выводы. Прежде всего археологи единодушно констатируют общую слабую населенность высокогорной зоны северных склонов Кавказа, примыкающих с востока к Дарьялу. Поселения домонгольской эпохи здесь не известны: они либо не сохранились, либо не выявлены⁸. Погребальные же памятники немногочис-

⁴ В. Б. Виноградов, Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

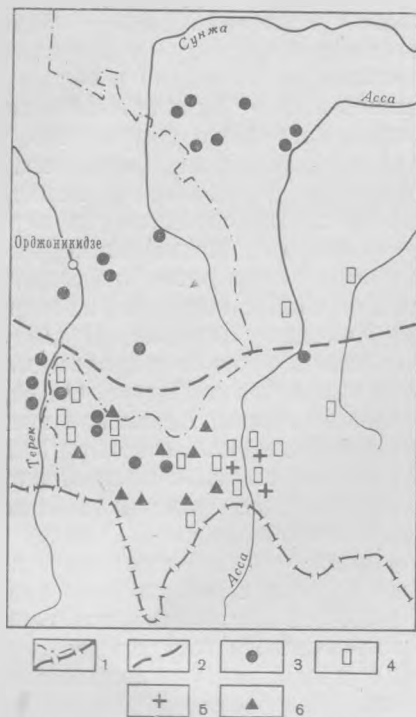
⁵ Ю. С. Гаглойти, Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1967; В. А. Кузнецов, Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971; В. Б. Виноградов, Аланы в Европе. — «Вопросы истории», 1974, № 8, с. 111—121.

⁶ В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев, Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. — «Археолого-этнографический сборник» (далее — АЭС). Грозный, 1966; Н. Г. Волкова, Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. «Глигвы» — грузинское название галгаев.

⁷ См.: Г. Г. Гамбашидзе, К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа. — II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977; З. Ш. Дидебулидзе, Культурные связи народов Грузии и Центрального Кавказа в X—XII вв. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1974 (там же см. библиографию).

⁸ Большой интерес в этом смысле представляют так называемые циклопические постройки горной Ингушетии (см. В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 39, 41, 42), которые бездоказательно относят к раннежелезному веку (В. И. Козенкова, Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977), тогда как аналогичные памятники в пограничных районах Ингушетии и Чечни датируются IX—XII вв. (С. Ц. Умаров, Средневековая материальная

ленны⁹. При этом, насколько можно судить, в горной Ассинской котловине — историческом центре и колыбели ингушского народа, месте обитания средневековых галгаев-глигвов — во второй половине I тысячелетия число горских по характеру обряда и ритуала могильников (подземных и полуподземных коллективных склепов, каменных ящиков) нарастает, в то время как в Джераховском ущелье они крайне редки. Создается впечатление, что в долине Армхи вообще отсутствовал сколько-нибудь значительный пласт вайнахского населения вплоть до конца



Древние памятники в Горной Ингушетии, проливающие свет на вайнахо-аланские взаимоотношения в IX—XIII вв. 1 — граница Чечено-Ингушской АССР; 2 — северная граница горной зоны; 3 — катакомбные могильники алан в V—X вв.; 4 — вайнахские могильники раннего средневековья (главным образом конца X—XIII вв.); 5 — грузинские христианские храмы в горной Ассинской котловине (Галгаче) IX—XI вв.; 6 — христианско-языческие (синкретические) культовые памятники X—XIII вв., сохранившие в названиях термин «Ерда»

X в. Причины этого далеко не ясны, но, вероятно, немаловажную роль играет сам характер местности — открытой и легкодоступной со стороны Дарьяла торной раннесредневековой военной дороги. С другой стороны, именно в Джераховском ущелье найдено несколько катакомбных могильников с выразительным инвентарем, которые уверенно сопоставляются с аланами. Таковые сегодня открыты и исследованы у селений Фуртоуг, Гоуст, Бейни, Ольгита, Шуан. Они датируются в пределах VIII—X вв. и дают право утверждать, что аланы осваивали нижнюю половину долины Армхи (возможно, в пору и после пагубных для алан походов арабов) и постоянно пребывали тут в указанное время¹⁰.

Положение существенно изменилось в X—XII вв. Вайнахские погребальные древности в верховьях Ассы становятся массовыми, группируясь прежде всего вокруг крупнейших галгаевских аулов Хамхи, Эгикал

культура Чечни. Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 4 сл.). Ценно и наблюдение В. П. Кобычева о том, что камни с петроглифами в позднесредневековых башнях ингушей «в большинстве случаев вставлены вторично», т. е. они, вопреки мнению В. И. Марковина о позднесредневековом появлении петроглифов, происходят из более древних построек, частично, вероятно, раннесредневековых (В. П. Кобычев. Язык есть нем.—«Сов. этнография», 1973, № 4, с. 153).

⁹ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Указ. раб., с. 10 сл.

¹⁰ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, с. 116; В. Б. Виноградов, А. А. Исламов. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии.—«Известия Чечено-Ингушского НИИ», т. VI, в. 1, Грозный, 1965, с. 161—163; «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. I. Грозный, 1967, с. 32; Е. И. Крупнов. Указ. раб., с. 53, 54.

р Таргим. Они свидетельствуют о продолжении исконных похоронных традиций, а также явном влиянии черт христианской обрядности¹¹. Судя по археологическим материалам, с конца X — начала XI в. происходит отток алан и резко возрастает число вайнахов в Джераховском ущелье, что проявилось прежде всего в исчезновении катакомб и возникновении значительного числа обширных могильников в виде каменных ящиков (Лежги, Еголкас, Могогоали, Мецхал, Фуртоуг, Памет, Шуан). Связанный с этими могильниками погребальный обряд и характер сопровождающего покойника инвентаря демонстрируют очевидную связь с раннехристианскими канонами захоронений в горах Кавказа¹². Обилие подобных могильников, попутное оживление склеповой традиции в долине Армхи знаменуют решительную перемену в этническом составе населения. В специальных работах безоговорочно признается ассимиляция вайнахами алан, оставшихся в Джераховском ущелье после X в., причем процесс этот, как представляется, не был обременен отношениями антагонизма. Е. И. Крупнов верно заметил: «Самый факт использования уже ингушскими обществами древних аланских кладбищ для своих захоронений в более позднюю пору говорит о какой-то преемственной связи между ними»¹³ и подтвердил свою мысль ярким примером — огромным могильником Мохде близ селения Шуан.

Но нельзя сбрасывать со счетов и конфессиональный момент. К концу X — началу XI в. христианизация затронула не только горных ингушей, но и восточных алан, причем тем сильнее, чем ближе они жили к областям, откуда распространялось христианское влияние¹⁴. Джераховское ущелье относилось к таким регионам, и стандартизация здесь погребального обряда алан и галгаев не выглядит противоестественной; он сформировался в соответствии с горскими нормами оформления раннехристианских могил.

Идентичная картина наблюдается и в нижней части Ассинского ущелья — на северных границах горной Ингушетии, где древности у селений Алкун, Верхний Даттыч и др. свидетельствуют об аналогичном процессе вайнахо-аланского слияния.

В свете данных археологии раннесредневековый контингент жителей Джераховского ущелья выглядит, таким образом, как «смешанное вайнахское и аланское население» (Е. И. Крупнов) с преобладанием до X в. аланского и в XI—XII в. галгаевского этнокультурного компонента.

С этим выводом согласуются этногенетические предания ингушей и фольклорные сюжеты, связанные с конкретными памятниками материальной культуры (поселениями, могильниками, святымищами и пр.). Они фиксируются уже более 100 лет. Часть их стала предметом вдумчивого анализа (Ч. Ахриев, В. И. Долбежев, Л. П. Семенов, В. П. Христианович и др.). Особенно много занимались этногенетическими преданиями Е. И. Крупнов¹⁵ и В. П. Кобычев¹⁶, причем последний записал много новых оригинальных сюжетов, сохранившихся в памяти ингушей.

¹¹ Г. Г. Гамбашидзе. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века. — «Тезисы докладов IV „Крупновских чтений“». Орджоникидзе, 1974, с. 65—69; З. Ш. Дидебулидзе. Указ. раб., с. 16 сл.

¹² Х. М. Мамаев. Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и Ассинского ущелий. — «Тезисы докладов VI „Крупновских чтений“». М., 1976, с. 36, 37.

¹³ Е. И. Крупнов. Указ. раб., с. 54.

¹⁴ В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. (Историко-археологические очерки). Автореф. докт. дис. М., 1970, с. 40 сл. Интересно, что во время раскопок Паметского могильника в октябре 1978 года были зафиксированы случаи, когда в сланцевом покрытии каменных ящиков отмечались целые жернова или их обломки. Это типично алано-осетинская погребальная традиция, восходящая к обычаю закрывать лаз в катакомбные захоронения жерновом.

¹⁵ Е. И. Крупнов. Указ. раб., с. 53—55.

¹⁶ В. П. Кобычев. Из этногенетических преданий ингушей. — «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году». М., 1971, с. 111—121; его же. Расселение чеченцев и ингушей..., с. 169—178 (см. там же библиографию).

Фольклорные произведения в которых можно проследить древние ингуше-осетинские (аланские) контакты, касаются преимущественно Джераховского ущелья. Эти произведения позволяют сделать вывод, что массовое освоение выходами с востока (из Галгачие) долины Армхи происходило около 1000—600 лет тому назад (В. П. Христианович полагал, что 1000—800 лет, более осторожный Е. И. Крупнов — что 800—600 лет), т. е. примерно в рамках X—XIII вв. О причинах появления тут галгаев говорится скупно, но в числе главных называются безземелье («Эта страна стала для нас тесной. Людям негде жить, а скоту пастись» — вот рефрен многих легенд), социальное притеснение галгайских верхов в горной Ассинской котловине (например, предание о возникновении селения Хули)¹⁷ и личная инициатива тех, кто искал места под солнцем вне тесных границ исконного вайнахского «домена» в горном междуречье Ассы и Аргуна (предания о братьях Эгише и Галгае, о Дударове и пр.). Весьма знаменательно, что в разнотипных фольклорных сюжетах достаточно ясно говорится о том, что до расселения вдоль Армхи галгаев здесь обитали «осетины» (аланы) или «джелты», что, вероятно, одно и то же¹⁸. С ними связываются некоторые конкретные памятники (в том числе и «пещерные», т. е. катакомбные могильники). Как явствует из преданий, «осетины», «осетинское племя» были вытеснены из Джераховского ущелья за Терек. Но также очевидно и то, что эмиграция захватила не всех алан. Герой предания об основании селения Хули (первого в долине Армхи), беглец из Эгикала галгай Хаза, принимает в свой поселок «осетинскую» (аланскую) семью Чакха. В селении Фуртоуг первопоселенцы ингуши нашли «пещерный» (катакомбный) могильник «джелтов», в котором по рассказам фуртоугцев рубежа XIX—XX вв. были погребены осетины — предки тех, кто впоследствии жил в Санибе и не порвал связей с Джерахом. Ценную запись нового предания опубликовал М. Х. Ошаев: «В ингушскую страну пришли предки осетин и стали мирно там жить. Они перемешались и слились с ингушами. Один ингуш, происходивший из осетин, пошел искать коров. В поисках их он дошел до местности Эль-Пхьа (горная Чечня. — В. В.) и решил здесь остановиться...». Информатор М. Х. Ошаева — потомок этого переселенца, называл себя «махло», в чем легко усматривается искаженное осетинское наименование ингушей Джераховского ущелья — «Маккхалон»¹⁹.

Интересна и сложна фольклорная оценка героя вайнахской нартиады Сеска Солсы. Но если согласовать всю имеющуюся информацию о нем, то достаточно убедительной станет гипотеза, согласно которой корни этого образа уходят в аланскую среду²⁰. Однако у вайнахов, причем более всего у горных ингушей, происходит существенная переоценка этого первоначально враждебного и отрицательного героя. В местных сказаниях наблюдается своеобразная двойственность его изображения, оставаясь типичным представителем «воинственных степняков» (У. Б. Далгат), «дыханием бескрайних степей древней Скифии и Алании» (В. И. Абаев), Сеска Солса «максимально приближается к вайнахскому эпосу к жизни, быту, нравам и обычаям вайнахских племен»²¹. Он — органичное звено многих фольклорных коллизий, происходящих в горной Ингушетии. И хотя народ, безусловно, предпочитает местные

¹⁷ С. Ц. Умаров. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. — АЭС, № 1, Грозный, 1969, с. 174.

¹⁸ Это убедительное сопоставление произвел А. Ф. Гольдштейн, ориентируясь на название «аланского города Джулат» (см. А. Ф. Гольдштейн, Башни в горах. М., 1977, с. 209).

¹⁹ М. Х. Ошаев. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терек. — АЭС, Грозный, 1966, с. 157, 158.

²⁰ У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 105.

²¹ Там же, с. 202.

героев, нарт Сеска Солса идеализируется. «Сеска Солса... у ингушей считается святым»²². И действительно, ему посвящено одно из святилищ Джераховского ущелья, а всевозможные «материальные следы» его эпической деятельности в этих местах окружены ореолом почитания²³. Это служит еще одним доводом в пользу реальности глубоких этнокультурных связей между аланами и вайнахами. Только благодаря им мог возникнуть специфический алано-вайнахский эпический образ.

Возможности использования горского фольклора для проникновения в суть отдаленных событий местной истории еще далеко не исчерпаны. Недавно тонкий и весьма продуктивный анализ ингушских сказаний о мудреце Маго — представителе все того же «ираноязычного культурного мира», что и нарты — предпринял В. П. Кобычев. Он сделал вывод, что эпицентр экспансии Маго и его потомков в горной Ингушетии находится в Джераховском ущелье, затрагивая лишь частично прилегающие районы верховий Ассы²⁴.

Другим примером могут служить ингушские предания о Бархой-Канте. Одно из них, записанное в разных вариантах Е. И. Крупновым в 1929 г. и В. П. Кобычевым в 1970 г., в котором обнаружены весьма знаменательные разночтения, побудило обратиться ко всем доступным легендам и вариантам этого цикла (их 7), обнародованным с 1875 г.²⁵. В результате выяснилось, что самые ранние записи сюжета умалчивают о грузинской якобы принадлежности фольклорного партнера Бархой-Канта и его жены. Напротив, некий «христианский царь», «знатный иноземец» по имени Ерд, объявившийся на короткий срок в горной Ассинской котловине, этнически не идентифицирован. Однако стабильно подчеркивается, что Ерд и его дружина «пришельцы с севера», что возвращается Ерд (или после его убийства — дружина) «в Тарскую долину» (равнина, примыкающая с севера к Дарьяльскому проходу), где и была «страна Ерда». Хронологическое определение разыгравшихся событий облегчается, во-первых, тем, что весь цикл устойчиво связан с пребыванием галгаев лишь в верховьях Ассы; во-вторых, указанием на то, что там, в Галгачие, уже имелась «небольшая церковь», никак не связанная с деятельностью «христианского царя» Ерда, т. е. грузинская (Тхаба-Ерда?); в-третьих, наконец, тем, что в средневековые христианскими царями, правившими к северу от горной Ассинской котловины, были только цари Алалии (X — середина XIII в.).

В. П. Кобычев отверг «северную версию» появления Ерда в горной Ингушетии, которую констатировал Е. И. Крупнов. Но это мнение противоречит оценке всего цикла²⁶. К тому же напрашиваются и еще два сопоставления. Во-первых, личное имя Ерд может иметь ясную аланскую этимологию, ибо в иранских языках «ард» и «ард» обозначает магическую силу, святость, бога, клятву и пр.²⁷ И еще одно: фольклорные имя и биография пришельца с севера, христианского царя Ерда, во многом совпадают с судьбой исторической личности первой трети XI в., упоминавшейся выше, — «царя овсов Урдура». Разумеется, утверждать что-

²² Б. Далгат. Страничка из северокавказского богатырского эпоса. — «Этнографическое обозрение», М., 1901, № 1, с. 40.

²³ У. Б. Далгат. Указ. раб., с. 132 сл.; А. О. Мальсагов. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.

²⁴ В. П. Кобычев. Из этногенетических преданий..., с. 111—121.

²⁵ Кроме вариантов, опубликованных Е. И. Крупновым («Несколько ингушских народных сказаний». — АЭС, № 2, Грозный, 1968, с. 255—257) и В. П. Кобычевым («Расселение чеченцев и ингушей...», с. 176, 177), см. У. Б. Далгат. Указ. раб., с. 360—369.

²⁶ Даже и в более поздних записях (1938 г.), в которых легенда уже «огрузинилась» и приобрела штрихи «книжной информации», ориентиром для движения фольклорного двойника «христианина Ерда» упорно называется местность вокруг «аула Ангуст», т. е. все та же Владикавказская долина — знаменитая область Ардос северокавказских алан (У. Б. Далгат. Указ. раб., с. 366, 368).

²⁷ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, с. 60 сл.

либо окончательно рискованно, но думается, что эти комментарии к циклу легенд о Бархой-Канте логично замыкают цепь фольклорных ингушских воспоминаний о месте алан в событиях истории (в том числе и этнической) горной Ингушетии, где имеются их весьма явственные следы в долине Армхи и эпизодичные — в верховьях Ассы.

Коснувшись возможной этимологии имени Ерд, мы вплотную подошли к еще одному специфическому и малоисследованному виду источников — культовым памятникам²⁸. В их хронологии и интерпретации много неясного²⁹. Однако ныне все большие доказательства получает тезис, что часть зданий-святилищ в горной Ингушетии воздвигнута по крайней мере в предмонгольское время³⁰. Выказана мысль и о связи святилищ с процессом ингушской колонизации Джераховского ущелья³¹. Сегодня в числе древнейших сохранившихся святилищ горной Ингушетии, синхронных или непосредственно примыкающих по времени строительства к христианским храмам X—XI вв. в Галгачие (Тхаба-Ерда, Алби-Ерда, Таргимский и др.), видятся такие святилища, как Галь-Ерда, Итаз-Ерда, Маги-Ерда, Тумгой-Ерда, Амгали-Ерда, Зодцах-Ерда, Сеска-Солса, «Меккал», Мятцили. Симптоматично, что все они располагаются к западу от Ассы, и сосредоточены в зоне Джераховского ущелья.

Во всех названных культовых постройках сочетаются специфически горские (зачастую трудно поддающиеся генетической оценке) и христианские черты, что, с одной стороны, позволяет трактовать их как «христианско-языческие храмы» (Л. П. Семенов, И. П. Щеблыкин, Е. И. Крупнов и др.), а с другой — продолжать считать их производными от грузинских христианских храмов в высокогорной зоне Кавказа, в том числе (но отнюдь не только!) и в Ингушетии (Г. Г. Гамбашидзе, Н. Н. Бараниченко и др.)³². Это, кстати, согласуется и с конфессиональной оценкой соседних им погребальных памятников, произведенной выше.

Но если ход рассуждений и система доводов о смешанном вайнах-аланском населении Джераховского ущелья верны, то следует ожидать отголосков такого же этнического переплетения и в материалах, связанных со святилищами. И они есть! Можно установить ту или иную связь большинства перечисленных наиболее архаических святилищ западной Ингушетии с алано-осетинским компонентом. Ярче всего (кроме архитектурной близости многих форм и деталей святилищ в Осетии и Ингушетии)³³ эта связь запечатлелась в названиях культовых памятников и в фольклоре, который так или иначе относится к ним.

В. П. Қобычев показал связь цикла сказаний о Маго с кругом ираноязычных представлений, которые в конкретных условиях появления Маго в Джераховском ущелье с северокавказской плоскости (район Тартупа-Джулата) могут ассоциироваться только с аланами. Но именно этот цикл связан с такими святилищами, как Маги-Ерда, Тумгой-Ер-

²⁸ При написании этого этюда весьма полезными оказались полевые наблюдения Н. Н. Бараниченко в 1977 г. и некоторые данные из ее дипломной работы «Культовое строительство средневековых вайнахов в эпоху политеизма», за что я и выражаю ей искреннюю признательность.

²⁹ В. Б. Виноградов. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. — «Археология и вопросы атеизма». Грозный, 1977, с. 59—67.

³⁰ М. Б. Мужухоев. Материальная культура средневековой Ингушетии (XIII—XVII вв.). Автореф. канд. дис. М., 1972; *его же*. Материальная культура средневековой Ингушетии; А. Ф. Гольдштейн. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975; В. Б. Виноградов. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников...; В. П. Қобычев. Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как исторический источник по истории жилищ края. — «Полевые исследования Института этнографии в 1975 году». М., 1977, с. 70 сл. и др.

³¹ Н. Н. Бараниченко. К хронологии некоторых типов святилищ Чечено-Ингушетии. — «Археология и вопросы атеизма», с. 72.

³² Отрицание этой версии в работах М. Б. Мужухоева базируется на полном игнорировании научной литературы последних 10 лет и не может считаться обоснованным.

³³ Л. А. Чибиров. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.

да (Тумга — сын Маго). Фольклорная трактовка Сеска Солсы выявляет аланскую подоснову этого образа, подвергнувшегося сильному видоизменению в ингушской среде. И закономерно определенное почитание Сеска Солсы у ингушей, появление святилища его имени в долине Армхи. Устойчивые ингуше-осетинские параллели давно отмечены применительно к таким культовым сооружениям, как Галь-Ерда, Мятцили и др. (Ч. Ахриев, А. Базоркин, Л. П. Семенов, Б. А. Алборов, В. П. Кобычев, С. Ц. Умаров и др.).

Появляются и новые факты. Так, основа названия вновь открытого святилища Итаз-Ерда близ селения Ольгета имеет прозрачную осетинскую этимологию (итаз — «вдовец») и побуждает вспомнить реально существовавшего в VIII в. аланского царя Итаза и осетинскую фамилию Итазата (Итазовы)³⁴. Название местности, давшей имя святилищу «Меккал», имеет явственную связь с алано-осетинским наименованием р. Армхи — Маккал-дон («река коршунов»), и ингушей — «мӕхӕлон».

Принципиальное значение в свете этих параллелей приобретает и толкование термина «Ерда», сопутствующего абсолютному большинству архаичных «именных святилищ» (т. е. посвященных конкретному лицу, чаще всего основателю). Выше на примере имени фольклорного «христианского царя» Ерда (вероятно, аланского правителя, именуемого в грузинских источниках «Урдур») показана возможность аланской этимологии этого слова как термина культовой ираноязычной лексики. Отнюдь не противоестественно считать, что оно прижилось именно у вайнахов, смешавшихся с аланами (в том числе и на берегах Армхи, где стало характерной приметой обозначения полухристианских-полуязыческих зданий-святынь).

В горной Ингушетии мне известны 11 пунктов, имеющих в названии такое оформление (Пхомат-Ерда, Итаз-Ерда, Амгали-Ерда, Галь-Ерда, Фяппи-Ерда, Маги-Ерда, Зодцах-Ерда, Тумгой-Ерда, Тамыж-Ерда, Алби-Ерда, Тхаба-Ерда). Из них 7 локализируются в Джераховском ущелье, 2 — на границе ущелья и горной Ассинской котловины (Тумгой-Ерда и Тамыж-Ерда) и только 2 — на берегах Ассы, причем здесь они связаны с чисто христианскими (грузинскими) храмами (Алби-Ерда, Тхаба-Ерда). Топография сама по себе выразительна и станет еще бесспорней, если согласиться с тем, что в двух последних названиях «Ерда» — позднейшее хронологическое наложение, не связанное с домонгольской эпохой. Это не голословная догадка. Ведь Леонти Мровели в XI в., определяя северные границы Эрети (часть Кахетии), доводил их «до Тке-ба, которую ныне именуют Гулгула» (т. е. Галгай, Глигви — горная Ассинская котловина)³⁵. Резонно полагать: Тке-ба — это Тхаба — крупнейший из грузинских храмов в высокогорной зоне Кавказа и самый северный к тому же, расположенный у одноименной реки и одноименного ущелья (Тхаба-Чоч). И именно он в устах компетентного историка раннего средневековья не отмечен вторым термином — «Ерда». Относительно же грузинской церкви XI в., именуемой ингушами Алби-Ерда, следует помнить предположение Л. П. Семенова (разделяемое и Г. Г. Гамбашидзе), что ее изначальное название было «Твирлис-Цминда»³⁶. Едва ли будет большой смелостью считать, что термин «Ерда» добавлен к названию этих церквей уже позднее под впечатлением устойчивой традиции, сложившейся в вайнахо-аланской этнической среде Джераховского ущелья.

К сказанному остается добавить, что лексические ингуше-осетинские параллели и фонетические особенности языка ингушей, порожденные

³⁴ В. И. Абаев. Указ. раб., с. 539; В. А. Кузнецов. Аланы и тюрки в верховьях Кубани. — АЭС, № 1, Нальчик, 1974, с. 83.

³⁵ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, с. 2.

³⁶ См.: Г. Г. Гамбашидзе. К объяснению названия храма Ткобя-Ерда. — «Мацне», 1974, № 2, с. 129, сноска 93.

влиянием алано-осетинского языка, уже давно привлекли внимание специалистов и дали немало подтверждений древности и прочности аланов-вайнахских связей³⁷. Они, разумеется, были наиболее продуктивными не в зонах простого соприкосновения и соседства, а в районах органического переплетения двух языковых традиций как выражения сложного процесса языковой и этнической ассимиляции различных групп населения. Вхождение западной части горной Ингушетии в число этих областей мотивируется дополнительно и все более явно выявляемым пластом ираноязычной топонимики в Джераховском ущелье (его нижней половине)³⁸. В этом состоит уникальная особенность данного микрорайона, отличающая его от всех прочих в горной Чечено-Ингушетии — от Дарьялского прохода до Андийского хребта на границе с Дагестаном³⁹.

Все изложенное согласуется между собой и позволяет сделать достаточно уверенный вывод о сложности этнического развития населения горной Ингушетии и о заметной роли в нем, в частности, длительных и разнообразных алано-вайнахских связей, которые были особенно активными на территории Джераховского ущелья и в низовьях Ассы, затрагивая, однако, и колыбель галгаев — горную Ассинскую котловину. В нижней части долины Армхи выявляется та среда, которая послужила чутким рецептором для этнических импульсов раннесредневековой эпохи. Вайнахская в своей древней основе, она в I тысячелетии испытала явную аланскую доминанту, развиваясь в русле конкретной истории народов округа Дарьяла. В первой трети XI в. сюда начинается массовая миграция выходцев из горной Ассинской котловины, которая продолжалась все предмонгольское время. Причины этого таятся во внутреннем положении (демографический взрыв и сопутствующее обострение социальных противоречий в среде галгаев) и внешнеполитических факторах (постоянно усиливающийся натиск Грузинского феодального царства и одновременное ослабление Алании). Поводом для открытого проявления назревшей тенденции стала вспышка алано-грузинского соперничества за влияние в верховьях Ассы в первой трети XI в., связанного с именами кахетинского владетеля Квирикэ III и аланского царя Урдура (Ерда²).

Военная победа Грузии и стимулированная ею дальнейшая грузинская политическая и культурно-конфессиональная экспансия объективно стали дополнительным побуждением к оттоку на запад той прослойки галгаев, которая более всего страдала в новых условиях.

Исторически правомерно видеть в ней первоначально сторонников традиционного общинного правопорядка, «слабые» семьи, тяготевшиеся формами нарождающегося феодального гнета, представителей мелкого полужылического-полухристианского (жреческого в своей изначальной сути) культового люда, весьма дееспособного на первых порах христианизации (еще поверхностной во многом!) местного общества и подверженного остракизму в условиях укрепляющейся и набирающей мощь христианской идеологии и иерархии, и, наконец, силы, стойко ориентировавшиеся на сохранение политико-экономических и культурных связей с аланами. Впоследствии миграция питалась внутренними неуря-

³⁷ *Вс. Миллер*. Язык осетин. М.—Л., 1962, с. 25, 26; *А. Н. Генко*. Из культурного прошлого ингушей.— «Записки коллегии востоковедов», т. V. Л., 1932, с. 715 сл.; *В. И. Абаев*. Осетино-вайнахские лексические параллели.— «Известия Чечено-Ингушского НИИ», т. I, в. 2, Грозный, 1959, с. 89—119.

³⁸ *А. Н. Генко*. Указ. раб., с. 720—727; *Б. А. Алборов*. Осетинские названия местностей к востоку от Осетии.— «Сб. научного общества при Горском пединституте», т. I. Владикавказ, 1929, с. 87—99; *В. Б. Виноградов*, *К. З. Чокаев*. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии.— «Известия Чечено-Ингушского НИИ», т. VIII, в. 2, Грозный, 1966, с. 75—95; *В. П. Кобычев*. Расселение чеченцев и ингушей..., с. 171.

³⁹ *А. С. Сулейманов*. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976.

дицами и столкновениями, все растущей земельной теснотой, кровной местью, религиозными распрями и, вероятно, известным государственным регулированием со стороны Грузии, остро заинтересованной в полном подчинении всей высокогорной зоны Кавказа, в безоговорочном включении ее в свои политические планы и границы.

На новом месте — в Джераховском ущелье — галгаевские переселенцы слились с давними соседями и партнерами (аланами) и постепенно ассимилировали их. Этот процесс, вероятно, протекал вплоть до начала установления татаро-монгольского господства на Кавказе, а полностью завершился в XIII—XV вв. в связи с новой волной миграций, охватившей Чечено-Ингушетию и приведшей к окончательной победе вайнахского элемента во всей зоне высокогорья и выселению в дальнейшем вайнахов на плоскость⁴⁰. Но и в последующие столетия сохранялись специфически тесные контакты ингушей Джераховского ущелья с осетинами. Важно отметить, что недавно Н. Г. Волковой удалось убедительно охарактеризовать подвижность этнических границ в районе Дарьяла в XVI — первой половине XIX в. и, в частности, обосновать факт вторичной миграции осетин в низовья долины Армхи во второй половине XVIII в. с последующей ассимиляцией ингушами и этой волны ираноязычных поселенцев⁴¹. Все это лишний раз доказывает сложность этнической истории горной Ингушетии, в которой длительные взаимоотношения вайнахов и алано-осетин сыграли роль, далеко еще до конца не осознанную нами.

VAINAKH-ALAN RELATIONS IN THE ETHNIC HISTORY OF HIGHLAND INGUSHETIA

Since the Ingushes had in the past no written language the author, in elucidating the problems of their ethnic history, draws upon all possible sources — literary, archaeological, ethnographic and linguistic. An attempt is made in the paper to reconstruct the historical processes in Highland Ingushetia in the late medieval period with the aid of the above sources. The author comes to the conclusion that the Alans, who in the 1st millenium A. D. inhabited the Djerakh Ravine, had played an important role in forming the Ingush people. This is evidenced by the catacomb burials, the toponymy of the region, Ingush and Osset legends on the origins of their peoples and much else.

In the first third of the 11th century a mass east-west migration of the Ingush began from the Assin Hollow; this continued in Mongol times and came to an end between the 13th and the 15th centuries. The Ingush migration was caused by a population increase in their ancient land of origin which engendered something like a demographic explosion; it was also furthered by the Mongol conquest of mediaeval Alania and the political expansion of feudal Georgia.

The author further notes the role of Galgay (Ingush) settlers from the upper reaches of the Assa River who in the course of time assimilated the sparse Alan population. Intensive interrelations and cultural borrowing between the Ingushes and the Ossets (descendants of the old-time Alans) continued for a long time after this.

⁴⁰ В. П. Кобычев. Расселение чеченцев и ингушей..., с. 183 (карта).

⁴¹ Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974, с. 128—130, 144.